

Челябинский гуманитарий. 2022. № 2 (59). С. 62–66.

ISSN 1999-5407 (print).

Chelyabinskij Gumanitarij. 2022; 2 (59), 62–66.

ISSN 1999-5407 (print).

Научная статья

УДК 930.85

DOI 10.47475/1999-5407-2022-10210

СТРАТЕГИИ АКТУАЛИЗАЦИИ ПРОШЛОГО: ОТ КУЛЬТУРЫ ПАМЯТИ К МЕМОРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

Насруди Увайсович Ярычев

Чеченский государственный университет имени А. А. Кадырова,

Грозный, Россия, nasrudiny@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена осмыслению основных стратегий актуализации прошлого и соответствующих им понятийных «оболочек». Среди таких стратегий рассматриваются: 1) культура памяти (наименее разработанное понятие, включающее в себя в интерпретации различных исследователей как государственные, организованные усилия по сохранению и трансляции образа прошлого, так и стихийные формы мемориализации); 2) мемориальная политика (также довольно широкое по содержанию понятие, трактуемое разными учеными либо как система популяризации официального образа прошлого посредством создания мемориальных объектов, либо как универсальные инструмент мягкой силы, либо как синоним политики памяти); 3) политика памяти (официальная государственная политика в мемориальной сфере, связанная с определением желаемого образа прошлого и инструментов его популяризации); 4) историческая политика (комплекс форм обращения с прошлым – от его законодательно-правового освоения до использования его содержательного ресурса с целью укрепления позиций властных элит); 5) мемориальная культура (совокупность устойчивых, воспроизводимых способов познания, интерпретации, описания, сохранения, трансляции прошлого, репрезентируемых в различных формах мемориальной деятельности).

Ключевые слова: прошлое, память, культура памяти, мемориальная политика, политика памяти, мемориальная культура.

Для цитирования: Ярычев Н. У. Стратегии актуализации прошлого: от культуры памяти к мемориальной культуре // Челябинский гуманитарий. 2022. № 2 (59). С. 62–66. doi: 10.47475/1999-5407-2022-10210.

Original article

STRATEGIES OF ACTUALIZING THE PAST: FROM CULTURE OF MEMORY TO MEMORIAL CULTURE

Nasrudi U. Yarychev

A. A. Kadyrov Chechen State University, Grozny, Russia, nasrudiny@mail.ru

Abstract. The article is devoted to comprehension of the main strategies of actualization of the past and their corresponding conceptual “shells”. Among such strategies are considered: 1) culture of memory (the least developed concept, which includes in the interpretation of various researchers both state, organized efforts to preserve and translate the image of the past, and spontaneous forms of memorialization); 2) memorial politics (also a rather broad concept, interpreted by various scholars either as a system of popularization of the official image of the past by creating memorial objects, or as a universal tool of soft power, or as a synonym of memory politics); 3) remembrance policy (official state policy in the field of remembrance, associated with the definition of the desired image of the past and instruments of its popularization); 4) historical policy (a set of forms of dealing with the past - from its legislative and legal development to the use of its substantial resource in order to strengthen the position of the power elites); 5) memorial culture (a set of stable, reproducible ways of knowing, interpreting, describing, conserving, transmitting the past, represented in various forms of memorial activity).

Key words: past, memory, culture of memory, memorial policy, politics of memory, memorial culture.

For citation: Yarychev N. U. (2022). Strategies of actualizing the past: from culture of memory to memorial culture. *Chelyabinskij Gumanitarij*, 2 (59), 62–66, doi: 10.47475/1999-5407-2022-10210.

Политика прошлого, символическая политика, политическое использование прошлого, историческая политика, политика коммемораций, политика памяти, мемориальная политика – эти и многие другие термины характеризуют многообразие форм и способов осмысления, интерпретации, использования прошлого различными мемориальными акторами, прежде всего, политическими элитами, или государством. Но они также характеризуют и особое состояние современных мемориальных исследований, в которых пока отсутствует какой бы то ни было консенсус в отношении использования базовых категорий. В итоге мы имеем дело либо с терминологической избыточностью (когда одни и те же явления называются по-разному разными учеными), либо с терминологическим замещением (когда один и тот же термин обозначает у разных авторов разные явления). На наш взгляд, такая ситуация не является критичной, но в значительной степени затрудняет построение ясной и согласованной теоретико-методологической концепции мемориальной культуры.

В рамках данной статьи мы предлагаем рассмотреть основные понятия, которые описывают стратегии актуализации (интеграции прошлого, точнее его образа, в пространство современной культуры) прошлого. Перечень данных понятий в исследовательской реальности значительно более значителен, мы остановим наше внимание лишь на наиболее распространенных из них.

1) Культура памяти.

Этот термин встречается и в зарубежных, и в отечественных исследованиях памяти. В первых он, как правило, используется в широком, почти метафорическом значении некоей социальной традиции, определяющей объем сохраняемых воспоминаний и воспоминаний, подлежащих забвению. Чаще всего (в работах А. Ассман, Й. Ганценмюллер, К. Шмид и др.) обращение к категории «культура памяти» происходит в контексте рассуждения о мемориальных государственных стратегиях мемориализации Холокоста и в целом – преступлений против человечества. Х. Вельцер к официально-государственному компоненту понятия «культура памяти» добавляет приватный компонент, связанный с практиками семейных воспоминаний [2].

В российской исследовательской практике данный термин не столь востребован, как близкие ему по смыслу (политика памяти, историческая политика и пр.). М. Л. Шуб под культурой памяти понимает «целенаправленную деятельность, совокупность мемориальных стратегий сохранения, поддержания, трансляции памяти, реализуемых как в институционально инициированном (официальные коммеморативные практики, деятельность СМИ), так и в спонтанно-инициативном (стихийная коммеморация, частные мемориальные инициативы) форматах [13. С. 57]. В ее научной логике культура памяти реализуется в рамках двух направлений: медийно-презентационном (презентация мемориальной проблематики в средствах массовой информации, социальных сетях и иных медиа) и событийно-проектном (организация различных коммеморативных мероприятий – от Парада Победы до присвоения мемориальных наименований улицам).

2) Мемориальная политика.

М. Б. Гуров [3], Д. Н. Нечаев, О. В. Леонова [8], Н. А. Медушевский [6], О. Ч. Реут [9] и др. прибегают в научной риторике к термину «мемориальная политика». К сожалению, в работах указанных авторов четкое определение мемориальной политики или набор характерных для нее черт отсутствуют. Судя по контексту, мемориальная политика предстает либо системой шагов в сфере популяризации государственно одобренной картины прошлого путем открытия памятников (М. Б. Гуров, О. Ч. Реут), либо выступает в качестве синонима политики памяти (Д. Н. Нечаев, О. В. Леонова), либо определяется как инструмент «реализации общей государственной политики мягкой силы, реализуемой на внутривнутриполитическом пространстве» (Н. А. Медушевский) [6. С. 12].

3) Политика памяти.

Этот термин чаще всего в современной, особенно российской, риторике используется в значении государственной политики в мемориальной сфере. Так, О. Ю. Малинова интерпретирует ее как «деятельность государства и других акторов, направленную на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование поддерживающей их культурной инфраструктуры, образовательной политики, а в некоторых случаях – и законодательного регулирования» [4. С. 9].

По определению О. Ф. Русаковой, политика памяти «представляет собой продуманную систему форм и способов политизации прошлого в целях управления коллективной исторической памятью народа» [10. С. 70].

А. И. Миллер под политикой памяти понимает «сферу публичных стратегий в отношении прошлого, т.е. концептуализации, практик коммеморации и преподавания истории» [7. С. 210].

В аналогичном смысловом ключе трактует политику памяти Р. Траба: «Политика памяти – это любые намеренные и формально легитимные действия политиков и чиновников, которые направлены на укрепление, удаление или преодоление отдельных фрагментов общественной памяти» [11].

4) Историческая политика.

Термин «историческая политика», возникший в европейском политическом дискурсе в 80-е годы прошлого столетия сначала в ФРГ, а спустя пару десятилетий в Польше, использовался для обозначения определенного типа политики, эксплуатирующей образы прошлого [4. С. 9].

Политологи К. Леггеви и К. Майер понятием исторической политики охватывают околосмемориальную проблематику (прежде всего, вопросы принятия политических решений в сфере политики памяти), которая редко попадает в поле зрения ученых-мемориалистов: «Историко-политические инициативы... не исчерпываются инсценированием “символической политики” и мероприятиями в системе политического образования; сюда же относятся нормативные акты административного и законодательного характера, а также мобилизационные кампании, проводимые государством и организациями гражданского общества и выходящие на уровень внешней политики и политики в области национальной безопасности» [Цит. по: 1. С. 118]. А. Ассман к исторической политике относит также историческую экономику, то есть все вопросы, связанные с финансированием мемориальной деятельности, выплатами жертвам, выделением земель под мемориалы и т.п.

А. И. Миллер и О. Ю. Малинова трактуют историческую политику как «особую конфигурацию методов, предполагающую использование государственных административных и финансовых ресурсов в сфере истории и политики памяти в интересах правящей элиты» [5. С. 15]. По словам А. И. Миллера, историческая политика, являющаяся частным проявлением политики памяти, характеризуется активным участием властных структур, конфронтационностью и преследованием партийных интересов [7. С. 215].

Методами исторической политики, позволяющими государству и иным мемориальным акторам осуществлять регулирование мемориально-интерпретационных процессов в обществе, по мысли А. В. Трофимова, являются: «создание специальных институтов, используемых для насаждения определенных трактовок прошлого, выгодных той или иной политической силе; политическое вмешательство в деятельность средств массовой информации; манипуляцию архивами; разработка и использование новых мер контроля за деятельностью историков; политическое вмешательство в содержание учебников и программ преподавания» [12. С. 362].

Таким образом, смысл исторической политики охватывает целый комплекс форм обращения с прошлым – от его законодательно-правового освоения, экономического обеспечения его функционирования в пространстве современной культуры до использования его содержательного ресурса с целью укрепления позиций властных элит. Но в каком бы ключе данный термин не трактовался исследователями, все они сходятся во мнении, что историческая политика является лишь одним из инструментов реализации мемориальной культуры.

Исключение составляет лишь, пожалуй, А. Ассман, которая мемориальную культуру отождествляет с независимой от государства, гражданской, «низовой» мемориальной деятельностью, а историческую политику – с директивной государственно инициируемой и контролируемой активностью в сфере интерпретации, сохранения и трансляции прошлого [1. С. 23].

Большинство проанализированных нами теоретико-методологических подходов апеллируют, прежде всего, к официальным усилиям в сфере «проработки прошлого», оставляя за пределами внимания частные формы мемориальной активности. Исключение, пожалуй, составляют лишь Д. Р. Кристенсен, С. Готведт Т. Вальтер Х. Эверетт А. Юдкина, А. Соколова, О. Ч. Реут, по словам которой «мемориальная политика рассматривает общество как объект усилий по строительству нации исключительно “сверху”, со стороны якобы единственно возможного субъекта этого процесса – центральной власти. И хотя довольно трудно оспорить тезис, заключающийся в том, что решающую роль в данном процессе играют политические элиты, было бы неверным исключать из него граждан и роль их ассоциаций, активно претендующих на представительство своих интересов как в структурах власти, так и вне их с целью формирования открытого доступа к дискуссиям о манифестациях идентичности» [9. С. 166]. Однако и она, говоря о мемориальной политике, имеет в виду систему организованных форм интерпретации прошлого.

Мы же полагаем, что актуализация прошлого подразумевает комплекс самых разнообразных форм мемориальной активности, как институционально-организованных, так и спонтанно-бытовых. В нашей исследовательской логике таким интегрирующим понятием (и соответствующим ему феноменом) является понятием мемориальной культуры. Под мемориальной культурой следует понимать совокупность устойчивых, воспроизводимых способов познания, интерпретации, описания, сохранения, трансляции прошлого, репрезентируемых в различных формах мемориальной деятельности. Ключевое отличие мемориальной культуры от, скажем, политики памяти, стоит в том, что она включает не только официальные, но и частные, бытовые формы мемориальной деятельности, которые, на наш взгляд, с одной стороны, являются самостоятельным, чрезвычайно эвристичным и пока еще достаточно слабо изученным исследовательским предметом. С другой же стороны, частная мемориальная деятельность, в меньшей степени связанная с проблемами исторической концептуализации и в большей степени ориентированная на повседневные формы обращения к прошлому, является конечным пунктом назначения государственных и общественных усилий в сфере политики памяти, которую можно считать эффективной лишь тогда, когда она выходит за пределы экспертных сообществ «в народ», становится частью убеждений «обычных людей», интегрируется в их мемориальные традиции и повседневные практики.

Список источников

1. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. Москва : Новое литературное обозрение, 2018. 328 с.
2. Вельцер Х. История, память и современность прошлого // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/istoriya-pamyat-i-sovremennost-proshlogo.html> (дата обращения: 09.04.2022).
3. Гуров М. Б. Государственная мемориальная культурная политика: к вопросу о сакральной коммеморации // Культурное наследие России. 2018. № 1. С. 54–60.
4. Малинова О. Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2017. № 4 (87). С. 6–22.
5. Малинова О. Ю., Миллер А. И. Введение. Символическая политика и политика памяти // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе: сборник статей / под. ред. В. В. Лапина и А. И. Миллера. Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. С. 7–38.
6. Медушевский Н. А. Мемориальная политика как элемент российского политического дискурса: от кейсов к концепции // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Том 8. № 2А. С. 5–14.
7. Миллер А. И. Политика памяти в России: роль экспертных сообществ // Символическая политика. 2015. № 3. С. 210–235.
8. Нечаев Д. Н., Леонова О. В. Мемориальная культура и политическая мифология: политика памяти в сфере государственного управления России и государств постсоветского пространства // Вестник Поволжского института управления. 2021. Том 21. № 1. С. 12–21.
9. Реут О. Ч. Противоречия современной российской мемориальной политики // Дневник алтайской школы политических исследований. 2019. № 35. С. 165–169.
10. Русакова О. Ф. Политика памяти в контексте современных реалий // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования. XV Международная конференция памяти проф. Л. Н. Когана. Екатеринбург : Издательство «Уральский государственный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», 2012. С. 70–75.
11. Траба Р. Польские споры об истории в XXI веке // Полит.ру. 3 февраля 2010. URL: <http://polit.ru/article/2010/02/03/traba/> (дата обращения: 12.04.2022).
12. Трофимов А. В. Революция 1917 г. в общественном сознании современной России: смена мифологем // Документ. Архив. История. Современность. 2018. № 18. С. 361–374.
13. Шуб М. Л. Культура памяти в структуре идентичности жителей индустриальных городов. Челябинск: ЧГИК, 2021. 283 с.

References

1. Assman, A. (2018). *Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The long shadow of the Past. Memorial culture and historical politics]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 328 p. (In Russ.).
2. Vel'cer, H. (2005). *Istoriya, pamyat' i sovremennost' proshlogo* [History, memory and modernity of the past]. *Neprikosvennyj zapas* [Untouchable reserve], 2–3 (40–41), available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/istoriya-pamyat-i-sovremennost-proshlogo.html>, accessed 09.04.2022. (In Russ.).
3. Gurov, M. B. (2018). *Gosudarstvennaya memorial'naya kul'turnaya politika: k voprosu o sakral'noj kommemoracii* [State memorial cultural policy: to the question of sacral commemoration]. *Kul'turnoe nasledie Rossii* [Cultural heritage of Russia], 1, 54–60. (In Russ.).
4. Malinova, O. YU. (2017). *Kommemoraciya istoricheskikh sobytij kak instrument simvolicheskoy politiki: vozmozhnosti sravnitel'nogo analiza* [Commemoration of historical events as a tool of symbolic politics: possibilities of comparative analysis]. *Politiya: Analiz. Hronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sociologii politiki)* [The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia], 4 (87), pp. 6–22. (In Russ.).
5. Malinova, O. YU., Miller, A. I. (2021). *Vvedenie. Simvolicheskaya politika i politika pamyati* [Introduction. Symbolic politics and politics of memory]. *Simvolicheskije aspekty politiki pamyati v sovremennoj Rossii i Vostochnoj Evrope* [Symbolic aspects of the memory policy in modern Russia and Eastern Europe]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 7–38. (In Russ.).
6. Medushevskij, N. A. (2019). *Memorial'naya politika kak element rossijskogo politicheskogo diskursa: ot kejsov k koncepcii* [Memorial politics as an element of Russian political discourse: from cases to concept]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanij* [Theories and problems of political research], Vol. 8, 2A, 5–14. (In Russ.).
7. Miller, A. I. (2015). *Politika pamyati v Rossii: rol' ekspertnyh soobshchestv* [The politics of memory in Russia: the role of expert communities]. *Simvolicheskaya politika* [Symbolic Politics], 3, 210–235. (In Russ.).
8. Nechaev, D. N., Leonova, O. V. (2021). *Memorial'naya kul'tura i politicheskaya mifologiya: politika pamyati v sfere gosudarstvennogo upravleniya Rossii i gosudarstv postsovetskogo prostranstva* [Memorial culture and political mythology: politics of memory in public administration of Russia and Post-Soviet States]. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya* [The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration], Vol. 21, 1, pp. 12–21. (In Russ.).
9. Reut, O. CH. (2019). *Protivorechiya sovremennoj rossijskoy memorial'noj politiki* [Contradictions of modern russian memorial policy]. *Dnevnik altajskoj shkoly politicheskikh issledovanij* [Diary of the Altai school of political research], 35, 165–169. (In Russ.).

10. Rusakova, O. F. (2012). Politika pamyati v kontekste sovremennyh realij [The politics of memory in the context of modern realities]. *Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremenom mire: metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya* [Culture, personality, society in the modern world: methodology, experience of empirical research]. Ekaterinburg: Ural'skij gosudarstvennyj universitet imeni pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'cina Publ., 70–75. (In Russ.).
11. Traba, R. (2010). Pol'skie spory ob istorii v XXI veke [Polish disputes about history in the XXI century]. *Polit.ru*, available at: <http://polit.ru/article/2010/02/03/traba/>, accessed 12.04.2022. (In Russ.).
12. Trofimov, A. V. (2018). Revolyuciya 1917 g. v obshchestvennom soznanii sovremennoj Rossii: smena mifologem [The Revolution of 1917 in the public consciousness of modern Russia: the change of mythologies]. *Dokument. Arhiv. Istorija. Sovremennost'* [Document. Archive. History. Modernity], 18, 361–374. (In Russ.).
13. SHub, M. L. (2021). *Kul'tura pamyati v strukture identichnosti zhitelej in.dustrial'nyh gorodov* [The culture of memory in the identity structure of the inhabitants of industrial cities]. Chelyabinsk, CHGIK, 283 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Н. У. Ярычев – доктор педагогических наук, доктор философских наук, профессор, проректор по учебной работе; член-корреспондент Российской академии образования.

Information about the author

Nasrudi U. Yarychev – Doctor of Pedagogical Sciences, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Vice-Rector for Academic Affairs; Corresponding Member of the Russian Academy of Education.

Статья поступила в редакцию 25.05.2022; одобрена после рецензирования 23.07.2022;
принята к публикации 23.07.2022.

The article was submitted 25.05.2022; approved after reviewing 23.07.2022;
accepted for publication 23.07.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.